

Дверной замок тихо щелкнул. Линь Вэйвань толкнула дверь, оставляя вечернюю прохладу и груз дневной усталости за порогом. В прихожей плавно зажглись датчики движения, и теплый желтый свет разлился по гостиной, заставив серебряный браслет на ее запястье ярко блеснуть. При каждом движении руки жемчужины на нем слегка покачивались, рассыпая вокруг крошечные блики.

Она сменила обувь и бросила сумку на диван. Но вместо того чтобы, как обычно, пойти умываться, Линь Вэйвань напрямик направилась к окну и раздвинула тяжелые портьеры.

Улица внизу была залита огнями, машины Шэнь Яньцы уже и след простыл, но в памяти девушки раз за разом прокручивались события сегодняшнего дня в кабинете генерального директора.

Ощущение тепла, когда Шэнь Яньцы обхватил ее за талию; легкое трение его ладони о тыльную сторону ее руки; обжигающее дыхание, коснувшееся ушной раковины, когда он наклонился; то, как он приподнял ее подбородок и с двусмысленной настойчивостью провел пальцем по ее губам — каждая деталь была настолько отчетливой, словно всё происходило лишь мгновение назад. Нервные окончания отзывались легкой дрожью, и щеки девушки снова вспыхнули.

Она коснулась своих губ — кончики пальцев словно до сих пор хранили тепло его большого пальца.

Сердце предательски забилося, словно испуганный олененок, колотясь о ребра, и даже дыхание стало прерывистым.

Линь Вэйвань подошла к дивану, села и открыла чат с Шэнь Яньцы.

На экране светилось последнее сообщение: Как скажешь. Всего два слова, но они вызвали в душе целую бурю чувств. Она вспомнила переменчивое поведение Шэнь Яньцы: утренняя близость, дневная нарочитая отстраненность, вечерние дерзкие заигрывания, внезапное отступление, его небрежный жест, когда он вручил ей браслет, и та фраза в видеозвонке, прозвучавшая с обидой: Боялся, что покажусь тебе навязчивым.

Все это походило на тщательно продуманную игру. Шэнь Яньцы был охотником, контролирующим ситуацию, а она — добычей, которую дразнили, заставляя терять покой и невольно тонуть в этих сетях.

Она легонько покрутила браслет. Жемчуг, касаясь кожи, холодил, но этот холод не мог унять внутреннего жара.

Браслет сидел идеально — очевидно, Шэнь Яньцы подбирал его специально для нее. Как и печенье для желудка, как и еда, которая ей по вкусу, как и канцелярские принадлежности, идеально подходящие под ее предпочтения — Шэнь Яньцы всегда безошибочно угадывал ее

потребности, проникая в ее жизнь самым мягким и деликатным способом.

Линь Вэйвань призналась себе, что ее сердце дрогнуло. Властная манера Шэнь Яньцы защищать ее дарила спокойствие, его глубокое внимание к деталям согревало, а редкие проявления слабости вызывали жалость. И уж тем более она не могла сопротивляться тем моментам близости, в которых сквозило собственничество.

Однако эта его игра в холод и жару внушала беспокойство. Она не знала, искренни ли его нежные чувства или это лишь уловки охотника. Не знала, является ли она для него кем-то особенным или всего лишь очередной добычей, которую он пометил как свою собственность.

Она открыла историю видеозвонков. Шэнь Яньцы в домашней одежде отчетливо возник перед глазами. Без привычной строгости делового стиля, без сковывающего костюма, его лицо казалось мягче, а во взгляде читались серьезность и ожидание, которые не выглядели наигранными.

Особенно те слова: На самом деле я был прямо под твоим домом. От них по сердцу разлилось тепло, смешанное с необъяснимым трепетом.

Шэнь Яньцы мог бы подняться к ней, но предпочел уважать ее решение и молча ждал внизу. Мог бы признаться, но прикрылся словами купил по пути, вручая подарок. Мог бы открыто сблизиться, но намеренно держал дистанцию, прощупывая ее отношение своей переменчивостью.

Линь Вэйвань невольно усмехнулась и кончиком пальца погладила аватарку Шэнь Яньцы на экране.

Этот всемогущий генеральный директор в делах сердечных оказался неуклюжим ребенком, который пользуется самыми детскими приемами, пытаясь скрыть глубокую привязанность и собственнический инстинкт.

Она встала и пошла в ванную, умылась холодной водой, пытаясь привести мысли в порядок.

Ледяная вода стекала по лицу, остужая разгоряченную кожу, но жар в груди не утихал.

Девушка в зеркале смотрела на нее с легким румянцем, в ее глазах читались растерянность и волнение, а на ушах словно все еще ощущалось дыхание Шэнь Яньцы. Браслет на запястье мерцал в полумраке, напоминая о дневной близости.

Закончив с вечерним туалетом, Линь Вэйвань легла в постель, но сон не шел.

Она ворочалась с боку на бок, а перед глазами стоял Шэнь Яньцы: его сосредоточенный профиль во время работы, решительный взгляд, когда он ее защищал, улыбка, когда он над ней

подшучивал, и тот нежный, чуть обиженный вид в видеочате.

Она взяла телефон, долго колебалась, водя пальцем по экрану, но в итоге так и не решилась отправить сообщение.

Она боялась показаться слишком навязчивой, выставить себя в унижительном свете, но так же боялась проявить холодность и упустить это внезапно свалившееся на нее особое внимание.

Ночь сгущалась, огни за окном гасли, но мысли Линь Вэйвань становились лишь отчетливее.

Она вспомнила, как Шэнь Яньцы решительно встал на ее защиту на заседании комиссии; как в ливень держал над ней зонт, сам промокнув до нитки; как каждый раз, когда она задерживалась допоздна, на ее столе тихо появлялись закуски и теплая вода; вспомнила браслет, который пришелся точно в пору, и мятные конфеты, которые она так любила.

Такую заботу, пронизанную вниманием к мелочам, невозможно имитировать лишь ради игры.

Может быть, его одержимость и собственничество и пугали ее, но этой беззаветной преданности и защите она была не в силах сопротивляться.

Линь Вэйвань коснулась браслета — прохлада жемчуга сплелась с теплом, разливавшимся в душе.

Она знала: она уже давно шаг за шагом сдавалась в этой игре в близость и отчуждение.

Шэнь Яньцы был словно яд. Зная, что он несет с собой опасное желание подчинять, она все равно была готова испытать его до дна.

Она закрыла глаза. Последним, что всплыло в памяти, был взгляд Шэнь Яньцы во время звонка — глубокий и сосредоточенный, словно она была единственным светом в его мире.

Сердцебиение постепенно замедлялось, но в нем теплилось ожидание. Ожидание завтрашней встречи, ожидание его близости. Даже если это будут все те же игры в холод и жару — она примет их с радостью.

Ночь была ласковой, но тревожила душу.

Это падение, имя которому — любовь, уже давно, в те бессонные ночи, тихо врезалось в самое сердце, чтобы остаться там навсегда.